

Бинго, как и раньше, услышав, что Сун Цинчжи устал, сразу же замер. Он обнял отца за плечи и сказал:

— Хорошо, папа, спи. Когда уснешь, усталость пройдет. Я спою тебе песенку, чтобы ты сладко уснул.

Не дожидаясь ответа, он начал петь. Мелодия была нестройной, но он пел с полной уверенностью, широко раскрыв глаза и сосредоточившись.

Сун Цинчжи невольно улыбнулся и поцеловал Бинго в щеку. Кожа ребенка была такой мягкой, что его сердце тоже смягчилось.

Но, закрыв глаза, он не смог заснуть, а лишь сильнее ощутил странное чувство внизу живота.

Даже с его выдержкой и медленной реакцией бета, он не мог подавить физиологический импульс, вызванный стимуляцией.

Сун Цинчжи всегда относился к своим физиологическим изменениям спокойно, он даже мог без стеснения читать лекции на эту тему. Но сейчас он впервые почувствовал такой стыд и гнев.

Так больше продолжаться не могло.

Сун Цинчжи открыл глаза и сказал:

— Бинго, когда мы переедем в новое место, возможно, ты больше не увидишь маму. Будешь скучать?

— Я запомнил ее номер телефона!

Бинго гордо поднял голову и продиктовал длинный ряд цифр.

— А когда я вырасту, я сам поеду к маме и женюсь на ней! Не дам Се Вэйдуну!

Сун Цинчжи тихо засмеялся и поцеловал Бинго в лоб.

Дорога обратно в университет заняла два часа. К счастью, в такси было уединенно, а Бинго уснул, напевая себе под нос. Это немного облегчило мучения Сун Цинчжи, но каждая клеточка его тела была насторожена, будто он стоял на краю пропасти.

Небо было черным, и в кампусе почти не было света. Сун Цинчжи включил фонарик на телефоне, чтобы осветить дорогу.

Бинго уже не хотел, чтобы его несли. Он сонно шел по плитке, освещенной лучом фонарика, и считал:

— 1, 2, 3, 4.

Досчитав до «20», он остановился, обернулся и, увидев приближающегося Сун Цинчжи, тихо позвал:

— Папа.

Сун Цинчжи ответил:

— Бинго.

Хотя у бета не было явных феромонов, Бинго всегда чувствовал присутствие Сун Цинчжи, даже его настроение.

Сейчас Бинго был сонным, его реакции замедлились, но он все же улыбнулся Сун Цинчжи, затем снова повернулся и продолжил считать плитки, шатаясь от усталости.

Вернувшись в общежитие, Бинго едва не уснул прямо у двери.

Он два дня бегал и играл, и только его энергия позволила ему продержаться до этого момента. Но это облегчило Сун Цинчжи задачу, сняв большую часть его напряжения.

Он взял ребенка на руки, и они, как дерево и коала, втиснулись в крошечную ванную, чтобы почистить зубы и умыться. Бинго, лежа на плече Сун Цинчжи, не хотел отпускать его, сонно что-то бормоча.

— Бинго.

Зная, что ребенок засыпает, Сун Цинчжи не стал сразу класть его.

Когда дыхание Бинго стало глубоким и ровным, Сун Цинчжи положил его на кровать и укрыл толстым одеялом.

И сгибаясь, и приседая, он чувствовал дискомфорт, но сейчас не мог стоять, поэтому опустился на колени у кровати и молча смотрел на спящего Бинго.

Через некоторое время загорелся экран телефона, но звука не было. Сун Цинчжи медленно встал, выключил свет и тихо вышел из спальни, закрыв дверь.

Это был звонок от Бай Сы.

Сун Цинчжи знал, что с того момента, как они покинули парк аттракционов, Бай Сы следовал за ним. Особенно в кампусе его альфа-феромоны были настолько явными, будто он специально их выпускал. Если бы Бинго не был так сонлив, он бы точно это заметил.

С одной стороны, его одолевали неконтролируемые физиологические реакции, с другой — мощные альфа-феромоны давили на него. Он сам не знал, как смог устоять и не упасть.

— Бай Сы, давай поговорим.

Сун Цинчжи ответил на звонок, его голос звучал обессилено.

За дверью слышались шаги, и альфа-феромоны без препятствий заполнили комнату. Лицо Сун Цинчжи покраснело, дыхание стало прерывистым.

Дверь была незаперта, и она открылась от легкого толчка.

Свет от датчика движения в коридоре осветил угол комнаты, но тут же был перекрыт фигурой Бай Сы. Он улыбался, смотря на Сун Цинчжи, одной рукой запер дверь и направился к нему.

— Учитель Сун, ты действительно образцовый ученик, послушный и исполнительный. Делаешь все, что тебе скажут.

Бай Сы взял Сун Цинчжи за подбородок, но тот без выражения лица отвернулся.

Он знал характер Бай Сы — активный, ненавидящий отказы, настырный, будто все должны подчиняться ему, но при этом удивительно легко соглашающийся.

Но, глядя на Бай Сы с его злорадным выражением, Сун Цинчжи вдруг не смог ничего сказать. Ему хотелось только одного — больше никаких отношений, как и все эти годы.

Сун Цинчжи молча направился в ванную, чтобы снять галстук. Бай Сы шагнул вперед, его крупное тело заблокировало дверь, и он нагло смотрел на Сун Цинчжи, опустив взгляд ниже пояса.

Он, казалось, совсем не знал, что такое стыд.

Сун Цинчжи закрыл глаза и сказал:

— Бай Сы, это не смешно.

Он изо всех сил старался игнорировать странное чувство внизу живота, сосредоточившись на подборе слов, которые бы убедили Бай Сы оставить его в покое, чтобы они могли разойтись без последствий.

Но взгляд Бай Сы прилип к нему, и было очевидно, куда именно он смотрит. Этот бета, не имеющий запаха феромонов, казался спелым плодом, который достаточно слегка укусить, чтобы почувствовать сладость на губах.

Бай Сы последовал своему желанию и наклонился вперед.

— Учитель Сун, ты ведь на самом деле омега, да?

Он быстро схватил галстук, другой рукой поддерживая спину Сун Цинчжи.

— Если тебе нравятся тела альфа, зачем ты женился на омеге? Что он тебе дал, чего я не могу?

Сун Цинчжи закрыл глаза и отвернулся.

Бай Сы всегда занимал доминирующую позицию в их отношениях. Хотя все началось с Сун Цинчжи, в итоге все сводилось к тому, что он подстраивался под Бай Сы.

Но в последнее время Сун Цинчжи перестал подчиняться, и сегодня он несколько раз избегал действий Бай Сы. Это разозлило его, хотя он и был доволен, что наказал Сун Цинчжи.

Он поднял колено и резко уперся им в живот Сун Цинчжи.

Тот согнулся вперед, упав в объятия Бай Сы. Галстук соскользнул с места, уже полностью промокший.

При свете лампы кожа Сун Цинчжи отливала розовым. Он лежал на столе, держась за край, его плечи были белыми, а руки напряжены, с тонкими мышцами. Костяшки пальцев выпирали, как ноты на партитуре.

Голос Сун Цинчжи изменился.

— Учитель, как бы я хотел, чтобы ты увидел себя сейчас, — сказал Бай Сы.

Это был тот Сун Цинчжи, которого он знал и хотел.

Бай Сы вздохнул:

— Учитель, ты, кажется, очень любишь детей. Так роди своего, нашего. Мы будем его вместе любить, а?

Сун Цинчжи плакал от боли.

Он кричал, но негромко, боясь разбудить Бинго в соседней комнате. Он кусал губы, издавая один стон за другим.

А Бай Сы даже не задумывался над своими словами. Ему просто было приятно их произносить. Какая разница, измена, любовница? Важно то, что Сун Цинчжи спал с кем-то другим, родил ребенка с кем-то другим. Все это должно было принадлежать только ему.

Эта мысль заполнила его разум.

К рассвету Сун Цинчжи уже не мог реагировать, его тело было полностью обессилено. Бай Сы поставил его под душ, смыл все и бросил в другую спальню, после чего ушел с чувством удовлетворения.

Запах оставался в воздухе еще долго. Сун Цинчжи не знал, сколько он пролежал. Ему было больно, он был измотан, но уснуть не мог. Бай Сы только обмыл его, не сделав никакой уборки, и в гостиной тоже был беспорядок.

Его тело то холодело, то нагревалось, а горло пересохло. Сун Цинчжи с трудом встал, вскипятил воду, но смог сделать лишь пару глотков. Затем он кое-как прибрал в гостиной и положил на стол дезодорирующую таблетку из лаборатории, чтобы избавиться от запаха альфа-феромонов.

<http://bllate.org/book/16877/1555605>